

Предательство и преданность — лейтмотив романа «Долог путь до Типперэри», первую часть которого печатает журнал «Знамя» (№4)

Наталья ИВАНОВА

ПУБЛИКАЦИЯ

Новый роман знаменитого автора «Верного Руслана» и «Генерала и его армии», диссидента и отщепенца, эмигранта и лауреата премии Букер, читатели ждали несколько лет. Год за годом его упрямо анонсировало «Знамя», а уклончивый Владимов в телефонных переговорах продлевал свои обещания.

Фрагменты печатались в «Московских новостях», с которыми Владимов связывали тесные отношения: здесь он с начала 90-х публиковал свои яростные статьи. Его аргументация была железной. Дисциплина ума подчиняла читающего, а свободолюбие, главный тезис всех его выступлений, — покоряло логикой, а не только эмоцией. Логика логикой, но Владимов прежде всего был и всегда оставался писателем. И его железная логика так действовала оттого, что была художественной. Репродуктором было именно литературное качество высказывания.

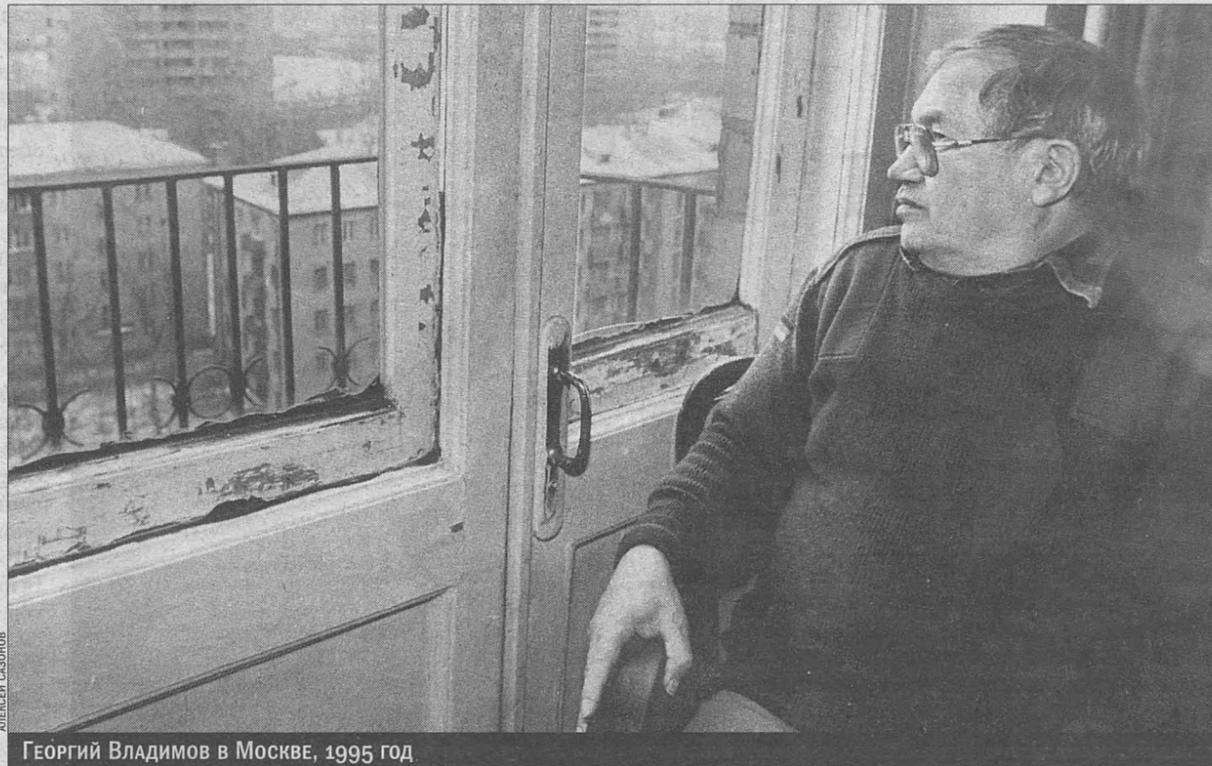
О чем «Типперэри»? О предательстве. Об издевательствах системы над человеком, творческим, «большим», известным как Михаил Зощенко, или «малым», вчерашним подростком, курсантом-суворовцем. О цене поступка. О том, как система ломала людей. О сопротивлении — и сдаче, о возможном компромиссе и его границах.

На самом деле роман Владимова должен был по замыслу автора состоять из трех частей, каждая из которых вмещала «один день из жизни» — как бы пик судьбы: август 1946-го; прощание с Россией в начале 80-х; конфликтная жизнь в эмиграции. Не уверена, сможем ли мы прочесть роман в целом — скорее всего, после расшифровки могут быть доступны лишь фрагменты. И тем не менее — уже по первым главам можно судить и о том, что Ахматова называла *величием замысла*, и о реализации этого замысла.

Человек становящийся, подросток, автогерой Владимова подвергает самого себя — и подвергается — тяжелому испытанию. Это — инициация человека, мужчины, писателя, все сразу. Можно ли стерпеть публичное унижение, растапывание другого — кого считал и продолжаешь считать недосягаемым талантом?

Не стерпел — и с другом, и с девушкой, в которую влюблен, отправился к Зощенко из своего военного училища, чтобы выразить свою моральную поддержку. Владимов чуток к каждому повороту этого абсолютно «достоевского» сюжета. Хотя это сюжет из его реальной жизни.

Первая глава романа не о подростке вовсе, а об августовских

Георгий Владимов в Москве, 1995 год

Родине своей мечты

товских событиях 1991-го, как они видятся из далекой Германии эмигранту, который никак не может действовать внутри этих событий. Он бессилен — может только комментировать.

Шинель Дзержинского — здесь концентрируется его сознание: конечно, именно писателя не мог не потрясти художественный вектор происходящего — памятник с петлей на шее, ликование людей на Лубянке. Вот она, живая история, ее моменты роковые. Снимали, ликовали — тогда, когда в самом здании на Лубянке... Впрочем, лучше цитатой: «А понял ли кто во всей толпе, что он и сейчас, перед тем как улечься вниз лицом на грузовую платформу тягача, на подстилку из мешков с песком, сослужил последнюю службу: своим телом, теперь уже бронзовым, зародил архивы, с которыми и должна была ринуться вся толпа — спасать от сожжения, сокрытия <...> может быть, в эти самые минуты, в сотне шагов отсюда шелестели в подвалах бумагорезабельные машинки, сдвигались стальные двери и створки сейфов, защелкивались кодовые замки, стягивалась охрана. Почему никакой провидец не просветит нас, с чего начинать? Впрочем, это сейчас я такой умный, — обрывает себя Владимов, — по прошествии времени и многих разочарований, а тогда — жарко, до пота на лице, завидовал этой толпе...»

И — механика судеб, как сказал бы Юрий Арабов, — автор-повествователь на фоне того раскаленного августовского телеэкрана, читает абзац из каверинского «Эпилога»: о мальчиках, явившихся после постановления

ЦК в августе 1946 года (против Зощенко и Ахматовой), навестить Зощенко. Визит поддержки. Жест юного негражданского благородства. И Владимов решает рассказать эту историю — по своему, из первых уст, в параллель Каверину.

Самое поразительное — он рассказывает ее в ущерб себе.

«О некоторых деталях этой истории вспоминать и горько, и стыдно, но я вижу, я ви-

ли... Но что касается дальнейшего — тут приобретенный в «суворовской» юности опыт драгоценен, он как прививка предлагаемых жизнью компромиссов.

Вот трижды венчанная сталинскими наградами Вера Панова, которая «клеимить и изгонять из Союза писателей обожаемого ею Пастернака» в Москву приезжала, и ей, по Владимову, зачтется,

«что в годы куда более страшные она открыто при-

— девочки, дочери чекиста, или собрата по походу к Зощенко с его замыслом: «Нужно, чтобы на все ключевые посты пришли наши люди». Подполковник Гордиевский — нет, не Олег, а его отец, решавший участь юного Владимова...

И все же после предательской, но спасительной лжи эмвэдэшного начальника «посмотрел мне в глаза с некоторой даже безразличностью». Цепочку «предательство — благородство» только в России, наверное, связывают два-три переходных звена, и потому вечные русские мальчики сочиняют утопический роман «Типперэри», придумывая страну Юнглиндию, родину своей мечты, «в которой все было не так, как у нас». «Коль скоро наша родина не только нас не устраивала, но и многих других, то должны были там появиться и русские. Они прибывали туда разными путями. Первые главы и содержали перипетии бегства: кто-то бежал из плена — ему дорога к своим была заказана, а кто-то и сам переходил границу, плыл на утлой лодочке».

Мотив лодочки возникает в другой недавней публикации, публикации накануне романа писем Владимова, включенных в повествование Льва Аннинского «Удары шпагой: Георгий Влади-

Мальчиков гнули и ломали, и заставили солгать

жу, как идут по каналу Грибоедова два мальчика в черной униформе с голубыми погонами и девочка в цветах польского флага, идут, холодея от страха, но также и от сознания, что иначе они поступить не могут».

«И горько, и стыдно» — потому что мальчиков гнули и ломали, и заставили солгать после доноса на них, изменив свои показания. Иначе позор, отлучение, наказание, исключение, конец судьбы. Их вынудили, и в конце концов мальчики сказали, что были у Зощенко до постановления. Это спасло — и их, и училище. И начальников над училищем.

Но Зощенко-то они все-таки поддержали! И хотя девочка бросает мальчику страшное для него: «Тряпка!» — он, получается, через инициацию все равно прошел. Согнулся, но не сломался. Мать арестовали, посадили, выслали, да и сам автор еле «высочил» из железных объятий той самой «шине-

лашала в свой дом всеми покинутого Зощенко». У кого есть своя луковка — у того и спасение.

Владимов и судит, и не судит мир, ибо «не судимы будете». Судит прежде всего себя, оправдывая избранный им жанр открытой авторской прозы, прозы вольного дыхания, присоединенный сегодня к общему, безразмерному, в том числе и этически, понятию non-fiction. Да и как судить — ведь все происходит на вечном плацу русской юности и литературы — тут и страшный Семеновский с режиссированной казнью и помилованием молодого Достоевского, и другие плацы вспоминаются. Но всегда (ли?) найдется капитан типа Тушина, спасающий то ситуацию, то мальчика, то саму Россию. У Владимова это капитан Григорьев. А если предательство, то оно в России бывает и «бескорыстным, безвыгодным». Так же, как и благородство

мов» («Знамя», №2-3). Аннинский вспоминает судьбоносный разговор с Владимовым. «Есть лодочки, и есть корабельщики, — сказал Владимов. — Это два типа поведения в ситуации, когда корабль в опасности. Лодочки кидаются в шлюпки и отваливают, спасая себя, а корабельщики остаются на борту и борются за спасение судна». Владимов заставил покинуть судно. Заставил — в начале 80-х — уехать. А те, которые оставались на корабле, скажем так, русской словесности, смогли вывести его и спасти при помощи того, что написали и передали «лодочки» — первой, второй, третьей волны. Передал и Владимов — увесистый пакет с четкой надписью: «Госпоже Ивановой в собственные руки». В пакете находилась рукопись «Генерала и его армии».

Конечно, то, что легло в основу «Типперэри», не того, утопического, а сегоднешнего, безыллюзорно-антиутопического, и есть результат пережитой психотравмы при рождении писателя. Именно тогда — двадцатилетним, и родился писатель. И для психотравмы было два составляющих компонента: «родина» и «предательство». Собственно, о чем бы ни писал потом Владимов, он писал об этом, а литература лишь проявляла его подсознание. Садизм работы Системы порождает мазохистов. Владимов не из их числа, он никак не жертва, но его пытались сделать жертвой, и он не мог об этом не размышлять. Отсюда — и «Верный Руслан» с Россией «потертым» и их братьев по крови, но и охранников; и «Генерал и его армия» с трагедией предательства и обмана собственных «детей», когда «свои» уничтожают «своих»-«чужих». Предательство и преданность в мире идей Владимова — пара неразлучная, как нетерпение и нетерпимость у Юрия Трифонова.

Предательство внутри — это неизбежаемая гражданская война, от коммунальной бабы, донесшей на юношу, читающего Зощенко («Типперэри»), до майора Светлококова («Генерал и его армия»), не говоря уж о Влакове. Самоуничтожение народа путем самопредательства — об этом мучительно думал Владимов.

Может, он и стал бы Владимовым, каким мы его ценили, и без этой истории. Но я лично в этом глубоко сомневаюсь.

МН

ДОСЬЕ

Георгий Николаевич Владимов родился 19 февраля 1931 года в Харькове. Учился в Ленинградском суворовском училище, в 1953 году окончил юридический факультет ЛГУ. Работал редактором отдела прозы в «Новом мире», где в 1961 году была напечатана его повесть «Большая руда», а в 1969-м — роман «Три минуты молчания». В 1983 году писатель, активно занимавшийся правозащитной деятельностью, был вынужден эмигрировать в Западную Германию. В 1994 году журнал «Знамя» опубликовал его роман «Генерал и его армия», удостоенный премии «Триумф» и премии Букера. С 1989 года писатель нередко выступал в «МН». Умер Владимов в Германии в 2003 году, похоронен, согласно его воле, в Перелелкине.